

Томас Гроб (Цюрих / Констанц)

ПИСАТЕЛЬ «В БЕГАХ»:
ПУТЕШЕСТВИЕ АНТОНА ЧЕХОВА
НА ОСТРОВ САХАЛИН
И НА ОКРАИНУ ЛИТЕРАТУРЫ

Le «Je est un autre» de Rimbaud n'était pas seulement l'aveu du fantôme psychotique qui hante la poésie. Le mot annonçait l'exil, la possibilité ou la nécessité d'être étranger et de vivre à l'étranger, préfigurant ainsi l'art de vivre d'une ère moderne [...].

Julia Kristeva. Étrangers à nous-mêmes¹

Vielmehr besagt Fremderfahrung, daß Abwesenheit und Ferne als «leibhaftige Abwesenheit» (Sartre), als «originäre Form des Anderswo» (Merleau-Ponty), als «Nicht-Ort» des fremden Antlitzes (Levinas) zur Sache des Fremden selbst gehören [...]. [Es handelt sich] um eine sich selbst widerstrebende Erfahrung, um eine gelebte Unmöglichkeit, wie sie sich insbesondere bei Autoren wie Baudelaire, Valéry, Kafka oder Celan und zuvor schon bei Kierkegaard andeutet.

Bernhard Waldenfels.

Grundmotive einer Phänomenologie des Fremden²

I. Беглость

Кажется непростым делом подметить именно у Антона Чехова беглость современного взгляда на «чужое»; менее всего она очевидна в его этнографически-социологическом путевом отчете, ко-

¹ *Kristeva Julia. Étrangers à nous-mêmes.* Paris: Gallimard, 1988. P. 25. Dt.: Fremde sind wir uns selbst. Aus dem Französischen von Xenia Rajewsky. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990. S. 23.

² «Опыт постижения 'чужого' лучше всего демонстрирует, что к самому 'чужому' относятся отсутствие и удаленность как 'телесное отсутствие' (Сартр), 'самобытность чужого места' (Мерло-Понти), 'не-уместность' чужого облика (Левинас) [...] [Речь идет] о внутренне противоречивом опыте, существовавшей невозможности, как она проявляется у таких авторов, как Бодлер, Валери, Кафка и Целан, но прежде всего у Кьеркегора» (*Waldenfels Bernhard. Grundmotive einer Phänomenologie des Fremden.* Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2006. S. 115f.).

торый явился результатом долго и тщательно планировавшегося и наконец осуществленного путешествия на остров каторжников Сахалин. Однако чеховская поездка на Сахалин более тесно связана с тематикой путешествия, чем можно предположить на первый взгляд, судя по окончательному тексту. Путешествие Чехова самыми различными способами сопряжено с понятием беглости. Это предстает особенно наглядно, если иметь в виду внутреннюю связь понятий «беглый» и «бегство», которая проявляется уже на языковом уровне, в двойном смысле русского слова «беглый» или немецкого — «flüchtig». Значение этой связи у Чехова распространяется значительно шире; она редко предстает в столь явном виде, как в описании Сахалина, где, собственно говоря, «беглым» уделяется особенное внимание.

Понятие «беглый взгляд» с литературной точки зрения мыслимо только как взгляд-текст, как текстуальная установка, имитирующая взгляд. Само собой разумеется, что путевой отчет как писательский модус и как жанр полностью базируется на текстуальности, даже если на первом плане находится «переживание»; даже если современные проявления этого феномена более не следуют доминирующей в сентиментализме и романтизме модели путешествия с книгой в руках, индивидуальное (о)писание путешествия колеблется между встречей с «другим», конфронтацией с собственной установкой восприятия и возможностями его текстовой фиксации. У Чехова это положение приобретает почти парадоксальные черты. Отзвуки подчеркнуто позитивного восприятия Венеции, Флоренции, Рима, Ниццы или Парижа, которые присутствуют в его письмах, отмечены лаконизмом, граничащим со стертойностью; одновременно очевиден отказ от фиксации путешествия в литературной форме. Тем не менее на основании доступного эпистолярия мы можем получить представление об этих путешествиях и даже об их «личных» обстоятельствах; своим современникам Чехов этого не позволял. Становится очевидным, насколько истинным и принципиальным было его стремление путешествовать, продолжавшееся всю жизнь. Здесь восторг путешественника далеко выходит за границы отдельных впечатлений и явно избегает письменной фиксации. Принципиальный (и принципиально положительный) образ странствия сочетается с постоянными чеховскими мыслями и планами относительно бегства, о чем мы также узнаём из писем: связь между «беглостью», «бегством» и путешествием у Чехова следует понимать экзистенциально.

На самом деле путешествие определяется у него не в последнюю очередь текстуальными жестами беглого. Они, в свою очередь, состоят между собой в «беглой» внутренней связи: авторское и частное, концепты жизни и текстовые формы, кажется, не под-

даются замкнутому, цельному анализу. Зато проявляется единый жест самоустранения, который, с одной стороны, мотивирует путешествие, но с другой — стирает его следы. Кто хочет разобратся в странствии Чехова, должен заняться в равной мере сказанным и несказанным, при этом недостаточно просто заполнить пустоты биографически или интертекстуально: в определенной степени они образуют ядро, вокруг которого формируется тема путешествия. Сегодняшний исследователь мечется между почтением перед самоустранившимся «автором» и необходимостью нащупать пустоты в тексте, которые означают больше, нежели просто элемент сбереженной риторики. Нельзя исключить предположения, что «литература» Чехова не имеет доступа к пространствам его путешествий — особенно заграничных, очень важных для него лично. Самоустранение путешествующего является зеркальным отражением самоустранения Чехова как автора. Но, с другой стороны, путешествие, превращая столь характерный чеховский жест самоустранения в движение в пространстве, одновременно делает его позитивным и осязаемым.

При всей осторожности отношения к личным впечатлениям от путешествий, сама эта тематика развивается у Чехова, как известно, и в собственно литературном русле. Однако происходит это скорее абстрактно и, по-видимому, вне личного опыта, за исключением большой повести «Степь» (1888), написанной на основе собственных впечатлений. Литературный мир Чехова проникнут сюжетными элементами прощания, отрыва, стремления и (часто иррационального) ухода, который редко становится реальностью. Собственные путешествия едва обозначаются только в письмах — в исконном средстве коммуникации, способном создать ощущение близости, несмотря на отсутствие, — но тем не менее они образуют экзистенциальное и литературное поле для самовыражения автора. В письмах Чехов называет — в связи с кровохарканьем — свое стремление уехать куда-нибудь очень далеко «болезнью» («Томит желание отправиться куда-нибудь очень далеко, например, на Камчатку — это тоже болезнь» — 24.—25.5.1896)³; в более поздних письмах сетует, что не может больше путешествовать («Если бы здоровье мое поправилось, то я отправился бы куда-нибудь в дальнее плавание» — 29.9.1903)⁴. Привлекательность странствия обуславливается не определенной целью, но самим странствием как таковым, более того, мечтой о дали, о пребывании в «далеком далеке». К его главным символам относится корабль.

³ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1974—1983. (Письма т. 1—13, отдельная нумерация). Т. 6. С. 149. (Далее — «Письма».)

⁴ Там же. Т. 11. С. 259.

Достаточно лишь заглянуть в письма Чехова, чтобы понять, насколько последовательно его представление о счастье связано с «не-нахождением-здесь», — даже если он сам, в случае сомнения, как правило, считает своим долгом остаться:

Чехов [...] поехал бы и на Принцезы острова и в Константинополь, и опять в Индию и на Сахалин... Но, во-первых, он не свободен [...]. Мне ужасно, ужасно хочется парохода и вообще воли. Опротивела ровная, благочестивая жизнь (28.5.1892)⁵.

Все это позволяет рассматривать и совершенно «серьезную» книгу о Сахалине как наиболее законченную форму текстуально-выражения путешествия Чехова, на фоне его страсти к странствиям и его стремления к бегству. Более того, здесь мы имеем дело еще с одной формой бегства и беглости, а именно — с бегством из литературы. Это проявляется не в жанровой специфике, не в создании иллюзии аутентичного переживания, но во всем комплексе сложной текстуальности, которая соединяет в себе совершенно различные формы высказывания и, кажется, полностью вытесняет все субъективное.

Далее я попытаюсь, сосредотачиваясь на обозначенной теме, выявить дискурсивную подоплеку поездки на Сахалин и книги о Сахалине: обстоятельства путешествия, которые обычно описываются как личный кризис, загадочность замыслов, вопрос о намерениях в различных частях текста, о конструировании пространства, о жанре и риторике. Подспудно возникает вопрос, не прячется ли в парадоксальном скрещении дискурсов, из-за которого чеховский «Остров Сахалин» нередко кажется загадкой, аспект основополагающей структуры современной литературы, аспект, который в тексте Чехова находит одновременно скрытое и образцовое выражение.

II. Бегство: парадоксы замысла путешествия

Начнем с мотивации путешествия, в которое отправился Чехов 21 апреля 1890 года. Биографы связывают ее с чувством полной опустошенности и безразличия — собственный диагноз писателя в это время, отмеченный во всех биографиях Чехова⁶. Неприязнь

⁵ Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1974—1983. (Письма т. 1—13, отдельная нумерация). Т. 5. С. 70.

⁶ Ср. также журналистский «ретейк» чеховского путешествия у Г. Далоса (*Dalos György. Die Reise nach Sachalin. Auf den Spuren von Anton Tschschow. Deutsche Bearbeitung v. Elisabeth Zylla. Hamburg: Europäische Verlagsanstalt, 2001*).

явно была направлена прежде всего на его собственные литературные тексты. Он всегда весьма критически высказывался по поводу своего писательства, но своей крайней точки такая самооценка достигла во время, предшествующее путешествию. В декабре 1889 года, в период, когда возникал замысел поездки на Сахалин, Чехов называл себя как писателя «круглым невеждой», который должен учиться основам писательского ремесла: не написал «ни одной строчки», которая в его глазах «имела бы серьезное литературное значение» (20.12.1889)⁷. В 1889 году продолжалась интенсивная работа над романом, из которого, как известно, ничего не вышло; в декабре сюда добавился неуспех его драмы «Леший», на долгие годы оттолкнувший писателя от этого жанра.

К тому же в этот период его явно задевала особенно резкая критика даже со стороны некоторых друзей, представлявшая его аморальным и безыдейным автором. Упрекам Чехов противопоставлял, с одной стороны, требовательность к собственной личности и, с другой, — автономность литературного творчества: «конечно, было бы приятно сочетать искусство с проповедью, но для меня лично это чрезвычайно трудно...» (1.4.1890)⁸. Однако Чехов и сам постоянно упрекал литературу в бесполезности; возможно, это была основная причина, по которой он не оставил медицину. Уже прежде сомнение в «беллетристике», как он называл свое творчество, связывалось у него с путешествием; во время поездки по югу России в 1888 году его осаждали мысли оставить литературу, которая ему «опостылела», засесть в селе и работать врачом⁹.

Можно считать это творческим «кризисом», однако следует иметь в виду, что он обладал перманентным характером: находил то скрытое, то явное выражение, порой проявлялся в пессимизме, порой — в сдержанности. В основе своей развитие литературного метода Чехова представляет собой не что иное, как смещение отношений с тем же самым «кризисом» литературности. Пусть он выражался по преимуществу в форме сомнения в собственном творчестве, но все-таки никогда не считался Чеховым частным обстоятельством. Это обнаруживается, когда Чехов защищает себя и литературу, ничем, впрочем, не поступаясь в своем анализе современности. За десять дней до отъезда на Сахалин он возражает издателю журнала «Русская мысль» на упрек в беспринципности: хотя его стремления к справедливости и свободе прошли «бесследно», но и в прессе дела обстоят не лучше, и в этом «виноваты не мы с Вами»¹⁰. Вспомним, что писатель и через два года после путеше-

⁷ Чехов А.П. Письма. Т. 3. С. 304.

⁸ Там же. Т. 4. С. 54.

⁹ Там же. Т. 2. С. 286; 21.6.1888.

¹⁰ См.: Там же. Т. 4. С. 56; 10.4.1890.

ствия видел «болезнь» современной литературы в том, что в ней нет ни цели, ни политики, ни веры в Бога, ни даже страха перед приведениями — и все это охватывает «целую эпоху»¹¹.

Литературный кризис выражался для Чехова — наряду с его многолетними, безуспешными стремлениями к большим формам — в расхождении между писанием и действием, литературой и обществом. Личное решение этой проблемы связывалось им, как ни странно, не в последнюю очередь с путешествием: «У меня непреодолимая жажда бегства»¹². Путешествие, в которое он собрался ранее, в июле 1888 года, было следствием «подлейшего настроения»; целью была «заграница» (куда он не поехал), но, собственно говоря, более всего — отъезд как таковой: «в Тироль ли ехать, в Бердичев, в Сибирь ли — все равно»¹³.

Замысел путешествия на Сахалин принадлежит к существовавшей почти всю его жизнь сфере конфликта между «женой медициной» и «любовницей литературой»¹⁴. Как полагал Чехов в мае 1889 года, для первой он недостаточно любил деньги, для второй был недостаточно одарен страстью и талантом¹⁵. Незадолго до отъезда он заметил, что старался, чтобы его знакомые видели в нем больше врача, чем писателя¹⁶. Вначале Чехов обозначает свое путешествие как дань медицине: «Я хочу [...] немножко заплатить своей медицине, перед которой я, как известно, свинья»¹⁷. В противоположность борьбе с голодом и эпидемией холеры или же по преимуществу бесплатному приему пациентов, здесь речь идет о «труде академическом»¹⁸:

В своей сахалинской работе я являю себя таким сукиным сыном, что вы только руками разведете. Я уж много украл из чужих книг мыслей и знаний, которые выдам за свои (20.2.1890)¹⁹.

В январе 1890 года Чехов пишет, что едет на Сахалин с «научною и литературною целями»²⁰. И тут же сам их перечеркивает:

Еду я совершенно уверенный, что моя поездка не даст ценного вклада ни в литературу, ни в науку: не хватит на него ни знаний, ни времени, ни претензий. Нет у меня планов ни гумбольдтских, ни даже кеннановских (9.3.1890)²¹.

То он едет «за пустяками»²², то ради «академического» труда. Однако путешествие оказалось шире обоих намерений: это было начинание, развивавшееся на почве жизненных концептов в тесном единении с литературой: «Пусть поездка не даст мне ровно ничего, но неужели все-таки за всю поездку не случится 2—3 дней, о которых я всю жизнь буду вспоминать с восторгом или с горечью?»²³

За несколько месяцев до путешествия Чеховым овладевает «Mania Sachalinosa»²⁴. Со страстным рвением он читает различную литературу о Сахалине:

Я сижу безвыходно дома и читаю о том, сколько стоил сахалинский уголь за тонну в 1883 году и сколько стоил шанхайский; читаю об амплитудах [...] и ветрах, [...] о почве [...]. Впрочем, с ума еще не сошел [...] (16.3.1890)²⁵.

Бесконечная восторженность, связанная с путешествием и нашедшая отражение в письмах, сочетается с довольно запутанными, даже противоречивыми целями. Это не ускользнуло от внимания чеховского окружения, которое с раздражением реагировало на его намерение; брат Михаил вообще предполагал, что оно пришло ему в голову вдруг, совершенно случайно — с самого начала было неясно, не шутка ли все это²⁶. Чеховские доводы кажутся нам сегодня тем более убедительными, чем менее определенными они были. В марте 1890 года он писал:

Пожалуйста, не возлагайте литературных надежд на мою сахалинскую поездку. Я еду не для наблюдений и не для впечатлений,

лин [...]» (Там же. Т. 4. С. 10; 20.1.1890). В этом письме Чехов обращается в Главное тюремное управление с просьбой оказать административную поддержку задуманной поездке.

²¹ Там же. Т. 4. С. 31.

²² Там же. С. 33.

²³ Там же. С. 32; 9.3.1890.

²⁴ Там же. С. 19; 15.2.1890.

²⁵ Там же. С. 39.

²⁶ См. соответствующую главу в кн.: Бердников Г.П. Чехов. М.: Молодая гвардия, 1974. (Серия ЖЗЛ).

¹¹ Чехов А.П. Письма. Т. 5. С. 133 и след.; 25.11.1892.

¹² Так у Далоса, без указания источника (см. примеч. б). С. 25.

¹³ Чехов А.П. Письма. Т. 3. С. 261; 13.10.1889.

¹⁴ См. более раннее письмо к брату Александру от 17.1.1887 (Там же. Т. 2. С. 15).

¹⁵ Там же. Т. 3. С. 204; 4.5.1889.

¹⁶ Там же. Т. 4. С. 56; 10.4.1890.

¹⁷ Там же. С. 31; 9.3.1890.

¹⁸ См.: Там же. Т. 5. С. 258; 2.1.1894.

¹⁹ Там же. Т. 4. С. 23.

²⁰ «Предполагая весной этого года отправиться с научною и литературною целями в Восточную Сибирь и желая, между прочим, посетить остров Саха-

а просто для того только, чтобы пожить полгода не так, как я жил до сих пор (22.3.1890, Письма, 4, 45).

Все объясняющим доводом остается надежда на другую жизнь в другом месте, которым в конечном итоге является само путешествие. Поэтому дорогостоящее сахалинское предприятие ни в коей мере не является только общественной акцией, как, впрочем, и поездкой ради удовольствия. Не в последнюю очередь это путешествие, охватывающее полмира:

Мой маршрут таков: Нижний, Пермь, Тюмень, Томск, Иркутск, Сретенск, вниз по Амуру до Николаевска, два месяца на Сахалине, Нагасаки, Шанхай, Ханькоу, Манила, Сингапур, Мадраас, Коломбо (на Цейлоне), Аден, Порт-Саид, Константинополь, Одесса, Москва, Питер, Церковная ул. (16.3.1890, Письма, 4, 38).

Возможно, это было нечто большее, чем просто ирония, когда Чехов за одиннадцать дней до путешествия заметил: не исключено, что он больше не вернется в Россию²⁷. Нетерпение, одолевавшее его в течение нескольких недель перед отъездом, совсем не академического свойства:

[...] мне стало совсем скучно. Солнце светит адски, пахнет весной, и мне досадно, что я еще не еду на Сахалин. Теперь бы хорошо сидеть на палубе речного парохода или скакать через степь в тарантасе (17.2.1890, Письма, 4, 21).

Не стоит пытаться до конца прояснить кроющиеся за поездкой на Сахалин намерения. Это могло бы помешать дать оценку многостороннему и противоречивому предприятию и понять, почему Чехов вложил в «Остров Сахалин» столько усилий²⁸. Остается некая загадка в этом путешествии, имевшем литературные и научные побуждения, от которого не следовало, однако, ожидать литературных плодов и научных результатов. И действительно, едва ли можно обнаружить непосредственные *литературные* достижения; кроме путевого очерка «Из Сибири» и нескольких рассказов²⁹, они

²⁷ В уже названном письме издателю журнала «Русская мысль» от 10.4.1890 года Чехов писал: «...на днях я надолго уезжаю из России, может быть, никогда уж не вернуться» (Чехов А.П. Письма (см. примеч. 3). Т. 4. С. 56).

²⁸ «Я истратил на поездку и на работу столько денег и времени, сколько не получу назад и в 10 лет» (Там же. Т. 5. С. 260; 10.1.1894).

²⁹ См., в частности: «Гусев» (1890), «Бабы» (1891), «В ссылке» (1892), «Убийство» (1895). О позднейшем отклике мотива, описанного в рассказе «Убийство», см.: Полоцкая Э.А. После Сахалина // Чехов и его время. М.: Наука, 1977. С. 117—137.

ограничиваются лишь несколькими сюжетами, которые, однако, имели важное значение. Во всяком случае, позднее автор был уверен в своем произведении и никогда не высказывался отрицательно о путешествии на Сахалин или о книге о нем.

III. Гетеротопия

Возникает вопрос, насколько правомерно говорить о произведении «Остров Сахалин» как о травелогге — все-таки сам Чехов незадолго до журнальной публикации 1893—1894 годов снабдил его подзаголовком «Из путевых записок»³⁰. Чтобы ответить на этот вопрос, попытаемся абстрагироваться от социальных характеристик этого предприятия, которые естественно выходят на первый план изучения³¹. Что касается общественных аспектов, то книга по преимуществу трактует расхождение «теории» (закон, общественная мораль) и практики: равнодушие общества к тому месту, где оно санкционирует бесчеловечные и бессмысленные формы наказания и незаконной эксплуатации заключенных со стороны чиновников и учреждений, бедственное положение женщин, отсутствие у надзирающего персонала надлежащего обучения и какого-либо стремления решать насущные задачи по улучшению ситуации и введению социальных перемен, в целом же — обстановку, в которой люди (и не только заключенные) вынуждены деградировать. В книге о Сахалине эти проблемы настолько выходят в центр, что тематика собственно путешествия кажется отгесненной на задний план, и чтобы добраться до нее, нужно несколько сместить перспективу. В этой связи я хочу обратить внимание, во-первых, на конструирование пространства и, во-вторых, на «риторику» книги, которая противоречит всем жанровым предписаниям и «взгляд» которой лишен всякой беглости.

Начнем с первого. Можно спорить о том, насколько изображение Сахалина вписывается в традицию восприятия Сиби-

³⁰ Этот подзаголовок, согласно данным издателей полного собрания сочинений, обнаруживается не в рукописи, а в первой журнальной публикации. Он был сохранен и в первом издании книги 1895 года (ср.: Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения. Т. 14—15: «Из Сибири. Остров Сахалин. 1890—1895». М.: Наука, 1978. С. 783. Далее — «Остров Сахалин». Ссылки на это произведение даются в тексте с указанием страницы).

³¹ Ср., в частности: Conrad Joseph L. Chekhov as social observer: The «Island of Sakhalin» // A Chekhov Companion / Hg. Toby W. Clayman, Westport (Conn.) / London: Greenwood, 1985. S. 273—287; Polakiewicz Leonard A. Chekhov's «The Island of Sakhalin» and Dostoevsky's «Notes from a Dead House» as penological Studies // Canadian-American Slavic Studies 2001: 35, № 4. S. 397—421 (здесь приводится и дальнейшая библиография).

ри³². Во всяком случае, решающим обстоятельством, по-моему, является то, что здесь семантические, культурные границы служат не тенденции к захвату и проводятся не между «Россией» и «Сибирью», но между «Россией», с одной стороны, и «Сахалином» — с другой. Предлагается рассматривать Сахалин как форму «гетеротопии» в смысле, предложенном Мишелем Фуко в докладе об «espaces autres»³³. Чеховский Сахалин предстает как остров (что подчеркнуто уже в названии книги) — и в пространственном, и в социальном отношении это замкнутое пространство, которое различными способами связывается с целым «нормального» пространства. Фуко рассматривает подобный случай как связь временной отмены (*suspendre*), нейтрализации или инверсии. Пространство «нормального» имеет у Чехова название: Россия (или же материк). А его Сахалин почти полностью подпадает под определения Фуко, которые он дает современным «гетеротопиям отклонения» («*hétérotopies de déviation*»), в которые заключаются индивидуумы, чье поведение отклоняется относительно нормы³⁴. Чеховский остров имеет универсальный характер, он претерпевает функциональные изменения (например, связанные с лейтмотивом колонизации); он соединяет несоединимое (вспомним пассажи о жизни на воле заключенных или о неадекватности официальной точки зрения условиям жизни на острове); он обладает собственным пониманием времени и представляет собой систему открытых и закрытых.

Не удивляет, что географически закрытая штрафная колония столь явно соотносится именно с концептом Фуко. Но поразительно, что Фуко в конце своей статьи о гетеротопии устанавливает связь с темой путешествия, и конкретно с образом корабля, который всегда относился к «величайшему арсеналу воображения» нашей цивилизации: «[...] le bateau, c'est un morceau flottant d'espace, un lieu sans lieu, qui vit par lui-même. [...] Le navire, c'est l'hétérotopie par excellence»³⁵. Чехов совершенно конкретно соединяет гетеротопию острова Сахалин с кораблем, который вначале доставил его с

³² Frank Susi. Imperiale Aneignung. Diskursive Strategien der Kolonisation Sibiriens durch die russische Kultur. Ms. Konstanz 2003. Kap. 3.4.: Dostoevskij, Jadrincev und Čechov als 'Geokulturologen' Sibiriens. S. 254—270.

³³ Foucault Michel. Des espaces autres. Conférence au Cercle d'études architecturales, 14 mars 1967. Цит. по: foucault.info/documents/heteroTopia/foucault.heteroTopia.fr.html (последнее посещение в июне 2006 г.; без указания страниц). dt. Übers. Foucault, M. Andere Räume. Aus d. Frz. v. W. Seitter. In: Aisthesis. Wahrnehmung heute oder Perspektiven einer anderen Ästhetik. Essays. Hg. Karlheinz Barck. Leipzig, 1991. S. 34—46.

³⁴ Foucault M. «Andere Räume» (см. примеч. 33). S. 40.

³⁵ Foucault M. «Espaces» (см. примеч. 33); dt. Übers. S. 46.

севера на юг («Уезжал я с большим удовольствием, так как север мне уже наскучил и хотелось новых впечатлений»³⁶), и позднее — с мечтами о путешествии в действительно чужие края, которые не стали темой его книги.

Однако отношение между островом-тюрьмой и материком, между отклонением и нормой ни в коей мере не исчерпывается этим контрастным противопоставлением. С одной стороны, различие между ними дается с крайней остротой: в подчеркнутой чуждости Сахалина и практической непреодолимости его границ. Остров изолирован уже самим повествованием, где описывается только предстоящее прибытие и ни слова не говорится об отъезде. Уже по прибытии, находясь на корабле в устье Амура, он подчеркивает «другость» этого места:

Тут кончается Азия [...]. Кажется, что тут конец света и что дальше уже некуда плыть. Душой овладевает чувство, какое, вероятно, испытывал Одиссей, когда плавал по незнакомому морю и смутно предчувствовал встречи с необыкновенными существами³⁷.

Рассказчик опасается, что его не пустят на остров (54), а его обитатели удивляются: «По доброй воле сюда не заедешь»³⁸. С этнологической точки зрения Сахалин изучается как совершенно чуждое пространство; самые обычные вещи подвергаются сомнению; сам рассказчик кажется местным жителям гостем из другого мира. Эта грань становится особенно отчетливой в главе о «белых» (гл. XXII). Она начинается с островного положения Сахалина, которое само по себе является препятствием для бегства, и его суровой природы. Здесь же обсуждается очень сильное, несмотря ни на что, стремление к бегству, о чем свидетельствует статистика, и — после краткого отступления, посвященного рассказу о беглых Владимира Короленко «Соколинец» (С. 350), — описывается страх обитателей материка перед беглыми. Согласно доступным автору сведениям, из 1501 убежавшего за последнее время пойманы 1010, сорок найдены мертвыми, остальные пропали бесследно (С. 356).

Симметрия очевидна: недоступность Сахалина в начале текста дополняется невозможностью покинуть остров в конце. Однако именно в этой главе проявляются последовательно выстроенные закрытость и характер «другого» этого пространства — и в то же самое время они столь же последовательно подрываются. На основании других парадигм Вальтер Кошмалль заключил, что сначала

³⁶ Чехов А.П. Остров Сахалин. С. 180.

³⁷ Там же. С. 45.

³⁸ Там же. С. 51.

Сахалин изображался в качестве «гомогенного пространства, противоположного России», но оппозиция постепенно «ослабевала благодаря повествованию рассказчика», что привело к появлению «противоречивых концепций пространства»³⁹.

Обусловленные текстом читательские ожидания «другого» пространства все больше разрушаются разными деталями. Иногда это можно истолковать в том смысле, что так подчеркивается внутренняя гомогенность пространства Сахалина: заключенные свободно передвигаются по острову, существуя в «смущающей близости», которая, однако, оказывается безопасной (С. 62); заключенные оставляют открытыми ворота и двери (С. 87); земледельческие достижения колонистов не отличаются от успехов каторжников (С. 229) и четверть заключенных без всяких проблем живет вне тюрьмы (там же).

Но частые сравнения с «Россией» особенно выходят за рамки этой мотивации. Так, уже в наброске «Из Сибири» (1890) местный житель жалуется рассказчику, что в Сибири люди не видят смысла жизни. Он считает, что в России все по-другому: «Все-таки он должен понимать, для какой надобности он живет. В России небось понимают». «Нет, не понимают», — отвечает рассказчик⁴⁰. В книге о Сахалине каторжные работают на дворе, «как наши деревенские работники» (229 и след.); деревенское невежество такое, «как и в России» (63); ужасные отхожие места соответствуют понятиям «русского человека» (90); угольные шахты все же не страшнее, чем в Донцеке (139), а иные поселения выглядят как «настоящая русская деревня» (149). Речь идет даже о женщинах, которые после прежнего общения со своими мужьями только на каторге вздохнули свободно (252).

Поражают и мотивации, подмечаемые Чеховым у беглых каторжников. Хотя здесь играют роль временные перспективы — например, пожизненные наказания, — но едва ли конкретные условия жизни заключенных. Значительно больше Чехов говорит об общем стремлении на свободу и о «страстной любви к родине». Ирония относительно мечты о родине очевидна:

...а в России все прекрасно и упоительно; самая смелая мысль не может допустить, чтобы в России могли быть несчастные люди... (ПСС. 14—15. С. 343).

³⁹ Koschmal Walter. Semantisierung von Raum und Zeit. Dostoevskijs «Aufzeichnungen aus einem Totenhaus» und Čechovs «Insel Sachalin» // Poetica 1980, 12: S. 397—420. Hier S. 411 und 415.

⁴⁰ Чехов А.П. Остров Сахалин. С. 22.

Любое предложение по поводу улучшения условий жизни заключенных на острове наталкивается на аргумент, что они не должны жить лучше, чем дома; но по такой логике каторга неизбежно становится адом (С. 134 и след.). По цензурным соображениям, слово «ад» редко появляется в тексте, зато прямо звучит в письмах: «[...] По воспоминаниям, Сахалин представляется мне целым адом»⁴¹.

Противоположные жесты отчуждения и де-дифференциации совместить непросто, однако из них следует, что гетеротопия, ад Сахалина⁴² в той же мере является контрипространством, в какой он является синекдохой всей России. Последняя характеризуется Чеховым позднее в одном из писем, явно по ассоциации с тюрьмой, в качестве «азиатской» страны: в ней нет свободы прессы и совести, жизнь «тесна и скверна» и мало надежды дождаться лучших времен⁴³. Через день после возвращения в Москву в декабре 1890 года, он пишет Суворину:

Мы, говорят в газетах, любим нашу великую родину, но в чем выражается эта любовь? Вместо знаний — нахальство и самомнение паче меры, вместо труда — лень и свинство, справедливости нет, понятие о чести не идет дальше «чести мундира» [...]⁴⁴.

Познание «ада» Сахалина непосредственно переходит в сетование на Россию: «Душа у меня кипит»⁴⁵. Еще в Гонконге Чехов мысленно возражал русским попутчикам, критиковавшим английскую колониальную эксплуатацию: «Я думал: да, англичанин эксплоатирует китайцев, сипаев, индусов, но зато дает им дороги, водопроводы, музеи, христианство, вы тоже эксплоатируете, но что вы даете?»⁴⁶

Через три месяца Чехов был уже сыт Сахалином, другим местом обитания, которое оказалось зеркальным отражением его собственного. И он спасался, как же иначе, на корабле: «Вчера в полночь я услышал рев парохода. Все повскакивали с постелей: ура, пароход пришел!»⁴⁷ Это был, к его большому разочарованию, «не тот» пароход, то есть именно тот, который доставил его сюда, а

⁴¹ Чехов А.П. Письма. Т. 4. С. 139; 9.12.1890.

⁴² Ср. попытку Михаэля Финке включить этот элемент в консистентный мотив «Сошествия в ад» (Finke Michael. The Hero's Descent to the Underworld in Chekhov // The Russian Review. 1994. 53. S. 67—80).

⁴³ Чехов А.П. Письма. Т. 8. С. 155.

⁴⁴ Там же. Т. 4. С. 140; 9.12.1890.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 139.

⁴⁷ Там же. С. 136; 6.10.1890.

теперь шел в Россию. Его же тянуло дальше, ему хотелось «как можно быстрее в Японию, и оттуда в Индию»⁴⁸.

11 сентября, когда корабль шел от северной части острова к южной, Чехов сообщает, что утром он увидит Японию и, возможно, в отличие от посланного им письма, сам он вернется не через Америку. На Сахалине писатель каждый день вставал в пять часов утра и работал до позднего вечера; в течение двух месяцев посетил всех каторжан и собрал материал для трех диссертаций — и все же у него осталось «такое чувство, как будто видел все, но слона-то не приметил»⁴⁹. Более того: «в итоге /.../ расстроил себе нервы и дал себе слово больше на Сахалин не ездить»⁵⁰. Настоящие путешествия по азиатским пунктам назначения — позднее он упомянул «Гонконг, Сингапур, Коломбо на Цейлоне, Порт Саид и т.д. и т.д.» — снова обнаружат белый взгляд: «Сингапур я плохо помню, так как, когда я объезжал его, мне почему-то было грустно»⁵¹. Но за этим скрывается и иное впечатление, которое фиксируется с многозначительным лаконизмом: «Затем следует Цейлон — место, где боль рай»⁵². Мы лишь узнаем, что Чехов ездил там на поезде и вдоволь нагляделся. Но и эти гетеротопии — они, по Фуко, сродни *утопическим* пространствам — могут оказаться исчерпанными: за последующие 13 дней на пароходе Чехов «обалдел от скуки»⁵³.

IV. Репрезентация. (Не)путевой отчет

Однако Чехов отнюдь не сбился с дороги, несмотря на значительный «окольный путь», о котором он почти не оставил литературных следов. Этот путь относился к его «делу жизни» — Сахалину, — равно как и целеустремленность, с которой он в конце концов отправился в Москву и долгие годы работал над книгой. Последняя в окончательной редакции появилась только в 1895 году. Текст этого произведения сохранил загадочный статус; литературоведческие исследования — часто даже биографические — в известной мере обходят его стороной⁵⁴.

⁴⁸ Чехов А.П. Письма. Т. 4. С. 137.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 134.

⁵¹ Там же. С. 142, 140.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ К тому же книга Чехова спровоцировала появление нескольких публикаций, которые едва ли можно назвать литературо- или культуроведческими. На медицинскую тему см., в частности: *Ochsenfeld Franz-Josef. Anton P. Tschchow. Die Insel Sachalin. Köln, 1994 (Arbeiten der Forschungsstelle des Instituts für*

Во время создания текста Чехов путешествовал и по европейским странам, и его письма, адресованные в основном членам семьи, опять сколь поверхностны («беглы»): «Да, Эйфелева башня очень, очень высока. Остальные выставочные постройки я видел только снаружи»⁵⁵, столь и полны юмора: «Пока мы не виделись, я успел побывать в Италии, в Париже, Ницце, Берлине, Вене... В Париже видел голых женщин»⁵⁶. Уже через несколько дней после возвращения с Сахалина он написал, что «весной» поедет на Ледовитый океан⁵⁷. Вместо этого он купил себе поместье и отклонял все предложения Суворина отправиться в путешествие, в частности потому, что занимался помощью голодающим и профилактикой холеры.

Письма, написанные между самим путешествием и публикацией книги о нем, возвращают нас к вопросу о жанре создаваемой в это время книги. Этот вопрос разрешить отнюдь не легче, нежели вопрос о мотивации.

А Сахалин тем хорош, что он жил бы после меня сто лет, так как был бы литературным источником и пособием для тех, занимающихся и интересующихся тюрьмоведением⁵⁸.

Что означает здесь слово «литературный»? Имеется в виду специальная литература или все-таки также и материал, способный склонить к «беллетристике» — чего сам Чехов почти не делал? Судя по другим высказываниям, книга о Сахалине в этом смысле представляется Чехову скорее не-литературной. На подозрение Суворина, будто он отрекся от своей книги, Чехов категорически заявил, что никогда не предаст свое «детище»: «Нет, сие мое детище я не могу бросить. Когда гнетет меня беллетристическая скука, мне приятно бывает братья не за беллетристику»⁵⁹. Кажется, однако, что он сам возбудил сомнения Суворина. В уже упоминавшемся письме к нему Чехов писал: «Временами бывает, что мне хочется

Geschichte der Medizin der Universität zu Köln. Bd. 66); по поводу литературной обработки биографии см.: McConkey James. To A Distant Island. New York: E.P. Dutton, 1984. Эта книга появилась nota bene до первого английского перевода книги Чехова о Сахалине — он вышел только в 1987 (!) году. Еще пример: в Cambridge Companion to Chekhov (Hg. Vera Gottlieb / Paul Allain, Cambridge University Press 2000) к книге Чехова относятся лишь три маргинальных замечания.

⁵⁵ Чехов А.П. Письма. Т. 4. С. 219.

⁵⁶ Там же. С. 223.

⁵⁷ Там же. С. 145.

⁵⁸ Там же. С. 266.

⁵⁹ Там же. С. 105; 16.8.1892.

сидеть над ним 3—5 лет и работать над ним неистово, временами же в часы мнительности взял бы и плюнул на него»⁶⁰. Но, как он считает, получится нечто «дельное».

Когда Чехов в июле 1893 года сообщает Суворину, что отдал в печать книгу о Сахалине — имеются в виду три первых главы, начало неполного журнального варианта, который появился в 1893 — 1894 годах в журнале «Русская мысль»⁶¹, — он видит сложность работы над текстом в привнесении в него субъективного начала. Лишь после долгого труда, постоянно ощущая «фальшь», он смог объяснить ее причину:

Фальшь была именно в том, что я как будто кого-то хочу своим «Сахалином» научить и вместе с тем что-то скрываю и сдерживаю себя. Но как только я стал изображать, каким чудачком я чувствовал себя на Сахалине и какие там свиньи, то мне стало легко и работа моя закипела, хотя и вышла немножко юмористически⁶².

В известной степени это высказывание тоже загадочно. Чехов, казалось бы, чувствует себя свободнее, когда он субъективен и ощущает свою чуждость изображаемому; в то же время варианты текста свидетельствуют о том, что автор, как подмечают издатели, пытается избавиться от биографических связей, деталей, которые могли бы указывать на него (в частности, от специально врачебных отступлений), на его имя или на рассказ от первого лица⁶³. Субъективная свобода явно идет от сокрытия собственного Я, от самоотчуждения — к «чужачеству» и тем самым к отстраненности от каких-либо поучений. Здесь, как ни странно, он указывает на юмористическую подоплеку, а в январе 1894 года защищает перед тем же Сувориным «основательность», «сухость» и «ученость» книги. Это «труд академический», и медицина не может теперь упрекнуть его в предательстве:

...я отдал должную дань учености и тому, что старые писатели называли педантством. И я рад, что в моем беллетристическом гардеробе будет висеть и сей жесткий арестантский халат⁶⁴.

Что же касается самого путешествия, то и позднее временами вновь проглядывает его стихийная экзистенциальная сила: ожида-

⁶⁰ Чехов А.П. Письма. Т. 4. С. 266. 30.8.1891.

⁶¹ См. примечания в: Чехов А.П. Письма. Т. 4. С. 780. История возникновения книги отмечена не в последнюю очередь цензурными трудностями.

⁶² Чехов А.П. Письма. Т. 5. С. 217; 27.7.1893.

⁶³ См.: Чехов А.П. Остров Сахалин. С. 786.

⁶⁴ Чехов А.П. Письма. Т. 5. С. 258; 2.1.1894.

ния, с которыми оно было связано, все-таки оправдались. Лишь день спустя после того, как Чехов в который раз описывал Суворину, какой «ад» этот Сахалин, он сообщает И.Л. Леонтьеву о своем путешествии и о пребывании на Сахалине:

...я доволен по самое горло, сыт и очарован до такой степени, что ничего больше не хочу и не обиделся бы, если бы трахнул меня паралич или унесла на тот свет дизентерия. Могу сказать: Пожил! Будет с меня. Я был и в аду, которым представляется Сахалин, и в раю, т.е. на острове Цейлоне⁶⁵.

Чеховские высказывания о процессе создания книги «Остров Сахалин» почти столь же противоречивы, как его прежние замечания о намерениях путешествия. Но во многих отношениях противоречива и сама книга. Последовательные выводы делает из этого Кэти Попкин⁶⁶. По ее мнению, вначале Чехов показывал Сахалин в качестве пространства «другого» и проявил себя как этнолог, но в конце показал крах прежде выстроенной дихотомии и продемонстрировал «эпистемологический кризис»: «the complete failure of the human sciences»⁶⁷, даже «breakdown of knowability itself»⁶⁸. Я считаю это недоразумением, однако такое прочтение подтверждает очень далеко идущую противоречивость книги, которая в первую очередь — книга «академическая» и ни в коей мере не сделана наспех. Во всяком случае, этот антибеллетристический текст лишь в очень ограниченном объеме предлагает то, что обещает его (под)заголовок: путевые заметки Чехова; они (причем весьма беглые) опять-таки чаще встречаются в письмах.

V. Риторика. Статистика и субъективность, этнография и поэзия

Что касается риторики в книге «Остров Сахалин», то я укажу здесь на отношения между двумя явно противоположными методами, которыми отмечен ее текст. Первый определяется введением статистического материала, второй — «анекдотическим» типом повествования. Статистический материал был исходным пунктом «научных» стремлений Чехова; он предусмотрительно подготовил

⁶⁵ Чехов А.П. Письма. Т. 4. С. 143.

⁶⁶ Popkin Cathy. Chekhov as Ethnographer: Epistemological Crisis on Sakhalin Island // Slavic Review. 1992 (Spring): S. 36—51.

⁶⁷ Ibid. S. 40.

⁶⁸ Ibid. S. 38.

картотеку, в которой заполнил 10 000 карточек⁶⁹ (сохранилось 7600) — неслыханная расточительность, особенно если, по мнению издателей собрания сочинений, речь идет о поводе для посещения каждого дома⁷⁰. В любом случае, «перепись населения» мотивирует и определяет направление путешествия по острову; статистический материал входит в описание поселений, тюрем и — сквозным образом — в отрывки, посвященные другим темам. Он играет в тексте многообразную, не всегда сразу понятную роль; порой цифры являются почти самоцелью. Чехов охотно выставляет статистику на первый план, когда упоминает о своей работе, но он говорит и о том, «как противно писать цифрами»⁷¹. Напрашивается предположение, что эти цифры следуют не столько информативным намерениям, сколько изобразительным — собственной авторской диалектике самоустранения и субъективности, о которой уже шла речь. Статистический «жест» задает упорядочивающий принцип, с помощью которого скрывается рассказчик, но, с другой стороны, этот принцип создает для него если не алиби, то пространство для повествовательных, комментаторских и по-настоящему поэтических пассажей.

Демонстративной «сухости» противостоят многочисленные анекдотические пассажи; они также являются постоянной приметой повествования, явно дополняющей статистику: «Книга выходит толстая, с массой примечаний, анекдотов, цифр...»⁷² Эти «анекдоты» представляют в основном жизненные истории, иногда сводятся к коротким и выразительным портретам. И.Н. Сухих противопоставляет сухость текста «анекдотам», доминирующим в тексте, и объясняет это тем, что через малое показывается большое⁷³. Однако такой подход выглядит слишком упрощенно: почти маниакальное название всех имен, даже мимоходом упомянутых персон, которые одновременно служат соединительным звеном между статистическим «жестом» и анекдотическими историями из жизни, не способствует типизации. В основном эти анекдоты обрываются без связи с другими, сменяются иной топикой. При этом они смыкаются с принципом подсчета, нумерации, факта и разрушают нарративный «жест»; то же происходит в конце и с самим текстом, который после главы о болезнях и медицинском обеспечении обрывается без всякого заключения.

⁶⁹ Чехов А.П. Письма. Т. 4. С. 146.

⁷⁰ Чехов А.П. Остров Сахалин. С. 754.

⁷¹ Там же. С. 232; 18.5.1891.

⁷² Чехов А.П. Письма. Т. 6. С. 37. 16.3.1895.

⁷³ Сухих И.Н. Остров Сахалин в творчестве Чехова // Русская литература. 1985. № 3. С. 72—84.

Оба метода — статистический и анекдотический — объединяет то, что они лишают текст повествовательности («денарративуют» его). Именно здесь, кажется, обозначается полемика с «Записками из Мертвого дома» Достоевского и с другими предшественниками: Чехов исключает замкнутое повествование не только как создающее фикцию, но и в качестве сообщения и толкования. Переплетения повествования с наполовину спрятанным авторским началом, с обрывистыми переходами, с постоянно прерывающимися обращениями к частным случаям и материалы статистики работают именно на эту цель. Это не означает капитуляции этнографической-литературной *knowability*⁷⁴ — что в «месте невыносимых страданий»⁷⁵ казалось бы Чехову слишком циничным. Скорее, здесь обнаруживаются подступы к этнологическому методу XX столетия; здесь заметны элементы «участливого наблюдения», как вскоре это было представлено, в частности, у Бронислава Малиновского, и даже — в сплетении парадигм наблюдения в форме описывания и толкования — «плотного описания» — у Клиффорда Гица.

Сходство и различие этих подходов проявляется в сложном вмешательстве скрытого голоса рассказчика — все-таки во многих местах и разными путями становящегося «слышимым». Иронически отстраняясь, Чехов мимоходом подтрунивает над своим писательством:

— Ты политичка (то есть политический)? — спросил меня гилек [...].

— Нет.

— Значит, ты пиши-пиши (то есть писарь)? — спросил он [...].

— Да, я пишу⁷⁶.

Действительно, основной вопрос понимания текста состоит в том, выступает ли Чехов как «автор» или же как «писарь», то есть тот, кто заставляет говорить факты, передает услышанное и «пишет цифрами». Чехов находит текстовую форму, где он одновременно скрывается и обретает больше возможностей для свободы и субъективности; и это означает, что проблема субъективности не «снимается» нарративно, но заостряется до парадоксальности, до уничтожения всех жанровых предпосылок. Никакой путешествующий или познающий, морализующий или рефлектирующий субъект — хотя

⁷⁴ Popkin K. Chekhov as Ethnographer.

⁷⁵ «Сахалин — это место невыносимых страданий» (Чехов А. Письма. Т. 4. С. 32; 9.3.1980).

⁷⁶ Чехов А.П. Остров Сахалин. С. 176.

они все присутствуют — не замыкает этот текст в одно целое; напротив, повествовательная инстанция взламывается и зачеркивается в рассказе самим предметом в его репрезентативных формах, цифрах, фактах и историях. Именно в подтвержденной возможности быть «писарем» утверждается «автор»: таким образом, становится возможной даже политическое высказывание, от которого, как от «поучения», надо было отказаться.

VI. Поэзия бегства (из литературы)

Судя по беглым впечатлениям от других путешествий, подобная форма описания может появиться только в собственном пространстве рассказчика, в России. Это свидетельствует о том, что мы все еще не покинули парадигмы литературного реализма, который строится не в последнюю очередь на проекции романтического «другого» на свое собственное. Не экзотика, пусть даже «райская», пробуждает интерес рассказчика, но пространство «другого», которое на самом деле является моделью его собственного мира. Но в противоположность нарративно выстроенным моделям традиционного реализма, чеховская модель сахалинского мира предстает перед читателем статически, анекдотически и политически разрушенной, лишенной всякой нарративной связи — во всей «адской» ужасности и одновременно во всей своей поэтичности. Эта поэтичность проявляется во многих пассажах повествования, особенно в изображении природы. Однако она проясняется, если речь идет о связи заключенного (опять-таки — беглого) с «путешествием». Каторжников тоже тянет «в даль», и они в своей неприютности познают собственную свободу:

Пока ссыльный молод и крепок, то старается убежать возможно подальше [...]. Обыкновенно его ловят, судят, отправляют назад на каторгу, но это не так страшно; в медленном, пешеходном хождении по Сибири, в частой перемене тюрем, товарищей и конвойных и в дорожных приключениях есть своя особенная поэзия и все-таки больше похожего на свободу, чем в Воеводской тюрьме или на дорожных работах (С. 344).

Поверх всех этнографических изучений смыкается связь между беглыми каторжниками и «беглым» Чеховым, который называл свою обиденную жизнь *каторгой* и для которого ничто не было столь близко, как стремление к свободе. Но в данном случае он путешествует не только «на край света», но и на окраину литературы. Он покидает материк, отдается кризису и тем спасает себя как

писателя. «Путевые записки», полностью выносящие за скобки путешествие и путешествующее Я, разрабатывают варианты дилеммы современной литературы на примере литературного путешествия. Так чеховское описание путешествия на Сахалин тематизирует и показывает субъективность, ставшую уже не само собой разумеющейся, а также литературность после постижения ее бесполезности, или, чтобы сказать элегантнее, автономный характер этой литературности. Конец убежденности в том, что литература в состоянии представлять пространства «другого», становится здесь началом попытки заставить само это «другое» говорить (или молчать) — в сознании, что в конечном итоге это невозможно, и в свете определенного стремления к литературной субъективности. Подчеркнутая конкретность в книге «Остров Сахалин» раскрывается на горизонте «другого», которое нельзя представить, другого места и прячущейся (и одновременно усиливающейся под знаком самоотчуждения) субъективности.

Достижением оказывается также создание большой прозаической формы — ведь речь идет о единственной большой и единой книге автора, который еще незадолго до этого отчаялся написать роман. Вместе с тем перед нами разложение традиционных форм прозы. Можно немного заострить мысль: путешествуя, Чехов обнаруживает перманентность и действенность кризиса современного эстетического начала. Он безуспешно искал свою форму романа, но, склоняясь к не-беллетристической, «академической» работе, нашел новую, еще не опробованную разновидность романа, новую потенцию жанра со склонностью к документалистике; в XX веке она будет развиваться в разных формах.

И хотя сам Чехов, по всей видимости, остался доволен путешествием и текстом о нем, о литературности его автор судил, кажется, иначе. Когда он переписывался с издателем А.Ф. Марксом в 1901 году по поводу полного собрания своих сочинений, то выразил желание печатать «Остров Сахалин» отдельно, так как не относил его к «беллетристике». Маркс был другого мнения; он хотел включить книгу в собрание сочинений, даже считая ее «более беллетристическим, чем этнографическим произведением»⁷⁷. Чехов настаивал на отдельном томе, но в общем уже не возражал.

⁷⁷ Ср. отрывки из переписки в примечаниях к изданию: Чехов А.П. Остров Сахалин. С. 782.

БЕГЛЫЕ ВЗГЛЯДЫ

Новое прочтение русских травелогов
первой трети XX века

Сборник статей

Москва
Новое литературное обозрение
2010

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос-Рус)61-022.88
Б37

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научное приложение. Вып. LXXXVI

*Печатается при финансовой поддержке Фонда Фольксваген
(VolkswagenStiftung)*

Куратор проекта Universität Bremen

Составители, ответственные редакторы
В.-С. Киссель, Г.А. Тиме

Беглые взгляды: Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века: Сборник статей / Перевод с немецкого Г.А. Тиме.
М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 400 с.: ил.

В европейских литературах жанр травелога (travelogue, *англ.* — повествование о путешествии) занимает центральное место с самого начала Нового времени. Эта книга предлагает широкий спектр новых прочтений русских травелогов первой трети XX века, охватывая произведения А. Чехова, В. Розанова, М. Цветаевой, О. Мандельштама, А. Белого, В. Шкловского, И. Эренбурга, Г. Иванова, М. Горького, А. Платонова. Основное внимание уделяется травелогам в границах или на границы советской империи, однако представлены и те, в которых речь идет о впечатлениях русских писателей в Западной Европе. Название «Беглые взгляды», с одной стороны, подразумевает историческое состояние бегства, в которое были ввергнуты люди вследствие Первой мировой войны, Октябрьской революции и Гражданской войны в России, с другой стороны — акцентирует эстетическую и поэтологическую «беглость» травелогов модернизма, их ассоциативный и коннотативный потенциал. Так возникает новый образ жанра травелога и его эволюции в русской литературе.

ISBN 978-5-86793-800-0

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос-Рус)61-022.88

В оформлении обложки использованы работы Алексея Чикишева.

© Авторы, 2010
© В.-С. Киссель, Г.А. Тиме, сост., ред., 2010
© Г.А. Тиме, пер. с нем., 2010
© Художественное оформление. «Новое литературное обозрение», 2010